

Диана
Чемберлен

Диана Чемберлен

ЛОЖЬ ВО БЛАГО,
ИЛИ О ЧЕМ ВСЕ МОЛЧАТ

Москва 2016

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Ч-42

Diane Chamberlain
NECESSARY LIES

Copyright © Diane Chamberlain, 2013

This edition published by arrangement with Writers House LLC and
Synopsis Literary Agency.

Перевод с английского *А. Кабалкина*
Художественное оформление *Д. Сазонова*

Чемберлен, Диана.

Ч-42 Ложь во благо, или О чем все молчат : [роман] / Диана Чемберлен : [пер. с англ. А. Кабалкина] — Москва : Издательство «Э», 2016. — 416 с. — (Роман-потрясение. Д. Чемберлен и Р. Коулман).

ISBN 978-5-699-92625-1

Джейн, молодая жена успешного врача, даже не могла предположить, с какими тайнами ей придется столкнуться, когда решила отказаться от уютной жизни и отправилась в неблагополучный уголок Северной Каролины в качестве социального работника. В поисках правды она рискнула потерять все, что у нее есть.

Айви — сирота, которой приходится тяжело работать на табачной ферме, чтобы прокормить больную бабушку, сестру и племянника. Сможет ли она исполнить свои мечты и вырваться из этой жизни? Или ее ждет такая же судьба, как и других неугодных обществу бедняков?

Это история о двух молодых женщинах, таких разных, но связанных общей трагедией. О женщинах, отважившихся бросить вызов несправедливости и отвоевать право самим решать свою судьбу. О женщинах, открывших всем глаза на страшную правду...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-699-92625-1

© Кабалкин А., перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

*Посвящается людям,
лишенным выбора*

22 июня 2011 г.

1

Бренна

Странную я выполняла просьбу: побывать в чужом доме и заглянуть там в стенной шкаф. Я колесила в поисках нужного адреса и чувствовала нарастающую тревогу. Вот и дом номер 247. Не ожидала, что он окажется таким внушительным. Он стоял отдельно от соседних домов, на плавно извивающейся дороге, в окружении раскидистых магнолий, высоких дубов, скорбных миртов. Дом был выкрашен в неброский, как крылышки бабочки, желтый цвет, все его горизонтали были обозначены белыми полосами, на раннем утреннем солнце он сиял аккуратностью и чистотой. Все особняки, мимо которых я проезжала, при заметных различиях в архитектуре выглядели одинаково: величаво, но не гостеприимно. До этого момента я никогда не была в Рейли, но определенно сейчас я находилась в одном из самых старых и красивых кварталов во всем городе.

Я подрулила к тротуару и пошла по дорожке к широкому крыльцу, на котором несли караул цветы в горшках. До возвращения в отель у меня оставался еще целый час. Торопиться было некуда, хотя нервы у меня были на взво-

де. Я возлагала на этот день слишком много надежд, но слишком на многое не могла повлиять.

Я дернула колокольчик, и он еще звенел, когда в боковом окошке показался силуэт и дверь открылась. Передо мной предстала женщина лет сорока, во всяком случае, на десяток лет моложе меня. Улыбка не могла скрыть ее недоумения. Мне стало неудобно, что я потревожила ее в такую рань. На ней были белые шорты, розовая полосатая футболка, ее загару можно было позавидовать. Сама она была маленькая, спортивная; при виде таких фигурок я всегда стесняюсь, что запустила себя, хотя тоже неплохо выглядела в черных брюках и белой блузке.

— Бренна? — Она кое-как пригладила стоявшие торчком короткие светлые волосы.

— Она самая. А вы, насколько я понимаю, Дженнифер? Дженнифер заглянула за мою спину.

— *Она* не с вами?

Я покачала головой.

— Думала, что поедет, но в последний момент *она* оказалась.

Дженнифер кивнула.

— Да уж, *ей* не позавидуешь. — Она сделала шаг назад. — Входите. У моих детей кончился учебный год, но сегодня утром у них занятие по плаванию, так что нам повезло: дом в нашем распоряжении. А то у детей вечно уйма вопросов!

— Спасибо. — Я шагнула в холл. То, что дома почти никого не оказалось, было удачей, хотя, честно говоря, предпочла бы полное одиночество. Я бы охотно здесь порылась. Но я явилась не за этим.

— Что вам принести? — спросила Дженнифер. — Кофе?

— Нет, ничего не надо, благодарю.

— Тогда идемте. Я все вам покажу.

Она повела меня к широкой винтовой лестнице, и мы поднялись наверх бесшумно, не считая стука моих каблучков по сверкающему темному паркету.

— Давно вы живете в этом доме? — спросила я у нее на втором этаже.

— Пять лет. Мы все здесь переделали, все перекрасили. Включая стенные шкафы, за исключением одного.

— Почему вы его пощадили? — спросила я, следуя за ней по короткому коридору.

— Нас попросила об этом женщина, у которой мы купили дом. Прежние жильцы, супружеская пара, просили ее о том же самом, хотя причины никто не понимал. Женщина, у которой мы купили дом, показала нам надпись. Мой муж хотел ее закрасить, кажется, она его чем-то напугала, но я его отговорила. Она же внутри, пускай остается незакрашенной. — Мы подошли к закрытой двери в конце коридора. — Я не знала, что она означает, пока не поговорила с вами по телефону. — Она распахнула дверь. — Теперь это комната моей дочери, не обращайтесь внимания на беспорядок.

Я бы не назвала это «беспорядком». Вот мои дочери-двойняшки устраивали в своем логове настоящий кавардак!

— Сколько лет вашей дочери? — спросила я.

— Десять. Без ума от Джастина Бибера. — Взмах ее руки извинялся сразу за все: за светло-сиреневые обои, за покрывавшие стены кричащие постеры.

— То ли еще будет! — Я улыбнулась. — Сама удивляюсь, как пережила подростковые годы своих дочурок! — Я стала думать про свою семью — мужа, дочерей, их детишек, оставшихся в Мэриленде, — и поняла, что соскучилась. Оставалось надеяться, что к выходным все это останется позади и я вернусь домой.

Дженнифер открыла стеной шкаф — неглубокий, как часто бывает в старых домах, плотно набитый одеждой на плечиках, со свалкой обуви внизу. Меня пробил озноб, словно я почувствовала у себя за спиной призрак. Я стиснула руки, Дженнифер дернула за шнурок, и в шкафу зажегся свет. Она сдвинула одежду вбок и сказала, указывая на стену примерно на уровне моих коленей:

— Вот, любуйтесь! Принести фонарь? Нет, лучше вынуть часть одежды. Надо было сделать это еще до вашего прихода...

Она схватила в охапку вещи и начала дергать за вешалки. В шкаф хлынул свет, я присела на корточки и отодвинула пару туфель и сандалии, чтобы дотронуться до вырезанных на стене слов. Старая краска вокруг букв крошилась от малейшего прикосновения.

«Здесь были Айви и Мэри».

Я сразу почувствовала тот страх, который они, должно быть, испытывали, их отвагу. Выпрямившись, я смахнула с глаз слезы.

Дженнифер тронула мою руку.

— Вам нехорошо?

— Все в порядке, — ответила я. — Спасибо, что не украсили надпись. Все так реально!

— Если мы отсюда съедем, я попрошу новых хозяев не трогать надпись. Это ведь уже история, правда?

Я кивнула. Потом вспомнила про телефон в сумке.

— Можно мне ее сфотографировать?

— Конечно! — согласилась Дженнифер со смехом и добавила: — Только, чур, без беспорядка, устроенного моей дочерью!

Я достала телефон и присела, чтобы запечатлеть надпись на стене. Призрак снова дал о себе знать, только теперь он меня не пугал, а обнимал.

1960 г.

2

Айви

Я болталась возле табакосушилки в надежде перекинуться словечком с Генри Алленом. Но он застрял со своими мулами на другом конце поля и как будто не собирался закругляться. Смысла ждать больше не было. Все поденщики уже разошлись, и мне не следовало попадаться на глаза мистеру Гардинеру, а то бы он стал выпытывать, почему я все еще в поле. Мэри Эллы, ясное дело, тоже след простыл. Я не желала знать, с кем из парней — или из взрослых мужчин — она ушла. Скорее всего она спряталась в лесу, у ручья, в зарослях деревьев и жимолости, и там, в укромном уголке, чего только не вытворяет... Мне ли не знать этот уголок! Почему бы и Мэри Элле про него не пронюхать? Но Генри Аллен велел мне об этом не думать, вот я и старалась выкинуть это из головы. Пусть моя сестрица занимается чем хочет. Ни я, ни кто другой ей не указ. Я ее предупредила — чтобы больше никаких детей в доме! — но в ответ получила пустой взгляд, как будто обращалась к ней на тарабарском языке. Когда у Мэри Эллы такой взгляд, до нее не достучаться. Ей было семнадцать

лет, на два года больше, чем мне, но меня можно было принять за ее мамашу — так усердно я удерживала ее на прямой и узкой дорожке, ведущей в рай. Выпадали дни, когда я чувствовала себя матерью всех вокруг.

Я отправилась домой по дороге Дохлого Мула — она пролегла между двух табачных полей, уходящих за горизонт. Глаза бы мои не глядели на эти бесконечные акры табака, где нам еще только предстояло вкалывать. После рабочего дня у меня на пальцах осталась липкая табачная смола: она даже волосы не пощадила. Шагая, я вытянула из-под платка светлую прядь и проверила: ничего страшного, привычный цвет сухого сена. Это Нонни, моя бабка, придумала такое сравнение для моих волос, не побоявшись меня обидеть. Что поделать, она права. Одна красotka у нас в семье — это Мэри Элла. Щечки розовые, кудри цвета сладкой кукурузы, глаза немыслимой голубизны, как само небо Каролины. «Не внешность, а сущее проклятие! — говаривала Нонни. — Стоит ей выйти за дверь — и все парни в графстве Грейс сходят с ума!»

Я разулась и пошла по мягкой пыли босиком. Лучшее ощущение за целый день! Когда я так делала — шла босиком по проселку между двухэтажным домом Гардинеров и нашим домишкой, — мне казалось, будто под ногами у меня старая мамина шаль из вельветина. Это все, что у нас от нее осталось. Раньше я брала шаль к себе в постель, но теперь со мной и с Мэри Эллой спит малыш Уильям, так что места больше нет, приходится просто вспоминать маму, хотя прошло уже столько лет, что и воспоминаний-то у меня о ней кот наплакал.

Я дохожу до места, где дорога уходит в лес. Здесь приходится обуться: по корням и камням, хоть я и знаю их все наперечет, колко ступать. С заросшей сорняком поля-

ны уже были слышны вопли малыша Уильяма. Он так надрылся, а Нонни так орала на него в ответ, что я перешла на бег: не хватало, чтобы она его пристукнула! Хотя, судя по его реву, она весь день распускала руки. Нонни вовсе не злюка, просто теряла терпение от ревматизма и иногда могла отпустить ребенку затрещину. По ее словам, она вырастила нашего папашу, потом Мэри Эллу и меня и уже мечтала об отдыхе, но Уильям спутал ее планы.

— Я уже здесь! — крикнула я, вбегая во двор. Наш с Мэри Эллоу велосипед валялся в грязи, я перепрыгнула через него, обогнула поленницу. Малыш Уильям встречал меня на крыльце, с висящим между толстых ножек мокрым подгузником, с багровой мордашкой, с бороздками слез на грязных щечках. Его черные кудри были так густы, что можно было подумать, что на ребенка напялили парик. Увидев меня, он протянул ко мне свои ручонки.

— Вот и я, мой маленький! — Я схватила его на руки. Он, как всегда, мигом угомонился, только тельце еще вздрагивало от недавнего рева. Окажись рядом Мэри Элла, он потянулся бы к ней — своей матери, но сейчас он был мой.

— Никуда не денешься, сладенький! — прошептала я ему на ушко.

Я заглянула в дом — куда подевалась Нонни? Но внутри было темно, я высмотрела только освещенный солнцем угол жалкого дивана. Нонни весь день не поднимала жалюзи, чтобы сберечь в доме прохладу. Гардинер провел в наш домишко электричество, когда я еще была ребенком, но Нонни, похоже, так и не научилась с ним обращаться. Ну и что с того? Единственный истинный свет в доме я сейчас сжимала в объятиях.

— Пора тебя переодеть, — сказала я, вбегая на крыльцо. Первым делом я подняла старые скрипучие жалюзи

на двух окнах, чтобы стало светло. По комнате поплыли клочья пыли. Из кухни выглянула Нонни со стопкой подгузников и полотенец в левой руке. Правой рукой она опиралась о клюку.

— Мэри Элла не с тобой? — спросила она, будто когда-то бывало по-другому.

— Нет. — Я чмокнула ее в щеку. Я была готова поклясться, что по сравнению с утром у нее изрядно прибавилось седых волос. Она превращалась в старуху у меня на глазах: толстые руки, три подбородка, сгорбленная спина. Повышенный сахар, гипертония. Я страшно боялась ее потерять. Когда все идет наперекосяк, ничего другого ожидать не приходится. Но я оставалась оптимисткой. Миссис Рекс, моя школьная учительница, сказала два года назад, что я из тех людей, которые во всем стараются разглядеть светлую сторону. Каждый раз, уже готовая совершить в речи грамматическую ошибку, я вспоминала миссис Рекс и успевала схватить себя за язык. «Человек с неграмотной речью ничего в жизни не добьется», — твердила она нам. Ну и много я добилась со своей правильной речью?

Свободной рукой я забрала у Нонни белье, видя сквозь полотенце солнечный луч.

— Может, она забирает у Гардинера объедки? — предположила я, пытаясь думать о хорошем. Вот бы Нонни перестала недовольно кривиться! Раз-два в неделю мистер Гардинер, отец Генри Аллена и владелец всех несчетных акров табачных плантаций в округе, совал Мэри Элле кое-что съестное из собственного сада, а то и из коптильни. Он вполне мог бы передавать то же самое мне, но, видимо, для него было важно, что она старшая сестра. Или что она уже мать и что так еда достанется малышу Уильяму? Не знаю. Зато я точно знала, что нам эти подношения очень

кстати. Гардинер всячески о нас заботился. Он дал нам холодильник, поставил новую дровяную печь — такую большую, что при открытой двери тепло доходило до спальни, тем более что мы всегда оставляли дверь открытой. Нонни собралась было попросить провести в дом воду, но тут как раз у Мэри Эллы стал расти живот, и Нонни решила ни о чем больше не просить.

— Мэри Элла пожаловалась ему на оленей, опять повадившихся к нам в сад? — спросила она. Как я ни огораживала жалкий клочок земли, который Гардинер разрешал нам обрабатывать для самих себя, оленям все было нипочем.

— Да, — ответила я, хотя сама пожаловалась на вторжения оленей. Мэри Элла не любила много болтать с Гардинером. Она вообще не была мастерицей по части болтовни.

— С вами рассчитались? — задала Нонни свой каждодневный вопрос.

— Вот переодену мальчика — и отдам тебе деньги, — ответила я по пути в спальню. Гардинер платил нам гораздо меньше, чем остальным работникам. Зато разрешал нам жить здесь бесплатно, так что нам было грех сетовать.

Я положила малыша Уильяма на кровать и давай его щекотать, уж очень мне хотелось его рассмешить. Пару минут мы с ним катались по кровати, чтоб забыть дневные тревоги. Иногда мне бывало достаточно просто на него засмотреться, такой он был красавчик: кудри черные, атласные на ощупь, ресницы тоже черные, длинные и густые, и глазенки почти черные. Все это при том, что Мэри Элла даже светлее мастью, чем я. Мне не хотелось гадать, в кого малыш Уильям такой чернявый.

За окном зашуршали листвой деревья, и он повернул головку в ту сторону. Мы сперва боялись, что он глухой, потому что он не реагировал на звуки. Миссис Веркман и